

Дубровская Виктория Васильевна, доцент кафедры теории, истории и методики преподавания русской литературы АлтГПА

Жизнь – подробно: деталь в поэзии Леонида Мерзликина

(Заметки на полях нескольких стихотворений)

Поэт Леонид Мерзликин никогда не декларировал своей приверженности деталям - «бесконечно малым» элементам художественного письма. Между тем предметная деталь остается самой выразительной чертой поэтической индивидуальности поэта. О том, как создается с помощью детали картина, писал Чехов; его персонаж говорит о мастерстве писателя так: «У него на плотине блестит горлышко разбитой бутылки и чернеет тень от мельничного колеса – вот , и лунная ночь готова...» Пожалуй, самое здесь интересное – это участие в создании картины осколка, фрагмента, по которому опознается целое – бутылка. По сути - это модель «работы» детали – точки, которую можно «вырастить в круг». Подобным образом в стихотворении Мерзликина создается картина осени:

Еще береза густогрива,
Еще кадушка у крыльца
Стоит с водою для полива.
В воде огрызок огурца.

(«Еще береза густогрива...»)

Оптика стихотворения такова, что стягивает зрение к бесконечно малой величине, уменьшенной еще и своей частичностью: береза – кадушка – вода - *огрызок* огурца. Словом, «в воде огрызок огурца» - и картина позднего деревенского лета готова. Она нарисована со скрупулезной достоверностью: еще поливают кое-что в огороде, конечно, в первую очередь огурцы; еще можно сорвать огурец с грядки, сполоснуть его по сельскому обыкновению в кадушке, надкусить, но не съесть, потому что уже сезон к концу, насытились-наелись,

теперь большая часть урожая идет впрок.

Деталь Мерзликина тяготеет к самому простому и повседневному, приземленному. Его стихи растут не «из сора», а из мелочей прозаического, по преимуществу сельского, быта, которые в совокупности составляют словарь ключевых понятий в жизни близкого земле человека.

Поэт В. Башунов в нашу общую студенческую бытность да и потом любил читать стихи Мерзликина наизусть. Автор этих строк помнит, с каким наслаждением он произносил строчку: «И с белою пекарнею село...» Володя поднимал перед собою собранные в щепоть пальцы, как будто держал строчку перед собой и рассматривал её, и любовался ею... Эта белая пекарня завораживала больше, чем изящная аллитерация там же : «и лес **лопочет**, **ливнем упоен**...». Мы тогда учились на филфаке, знали толк в аллитерациях, на дворе грохотал *поэтический бум*, и на этом сильном фоне не терялась тихая строчка из стихотворения Мерзликина, она приковывала не столько слух, сколько взор: это была картина. Картина рассказывала о том, что белая пекарня заняла место церкви. И если когда-то село от деревни отличалось тем, что в нем была церковь, то после на долгие годы её заменила пекарня как символ телесных забот, вытеснивших духовные.

Когда Мерзликин читал стихотворение, где «На задворках у телок спины тихо дымят», он улыбался, произнося эту строчку, и поводил рукой горизонтально, будто ощущая тепло от парящих спин, щупая это тепло и радуясь своей поэтической удаче. Весь деревенский день со всеми его заботами можно восстановить, разворачивая смысл, свернутый, как конспект, в детали.

Воробей в его стихах соскучится «по провисшим жердям во дворе»; гуси «прибились к вымокшему тыну, / Как первый снег, что выпал невзначай»; сияющий день отмечен и тем, что «...лоскуты сырых пеленок / Свисали низко со шнура». Эти детали можно назвать сугубо прозаическими, погружающими в быт нехитро обустроенной жизни. Однако «огрызок огурца», «лоскуты ...пеленок» или «на доске чешуя и молоки» - всё это вещи, в частичности которых обнаруживается присутствие человека, а значит - бесконечный смысл.